

13 МАР 1986

ОБЩЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Г. Мосина

Актер Ленинградского академического Большого драматического театра им. Горького, народный артист СССР Евгений Лебедев за работу последних лет — Вожак («Оптимистическая трагедия»), солдат Иван Шадрин («Перечитывая заново...»), Серебряков («Дядя Ваня») — выдвинут на соискание Ленинской премии. Работы эти отмечены новизной и полнотой сценических открытий.

Общее начало, их роднящее, — чисто лебедевская страстность существования в образе. И общий, как говорится в спорте, объем проделанной работы в единицу времени. У него эти объемы столь велики, что, увидев однажды на сцене Е. Лебедева, помнишь созданный им образ всю жизнь. Отсюда от Р

Е. Лебедев принадлежит к той особой породе художников, на которых держатся немеркнущие традиции и своеобразие русской школы сценического искусства. Артисты-виртуозы, они превыше всего ставят и строго блюдут высокий критерий мастерства. То самое, что не тускнеет, ценится во все вре-

мена, а достигается не только талантом, но и упорным трудом. Оттого образ актера столь часто ассоциируется у разных людей с русским умельцем, мастеровым.

Загадку Е. Лебедева сразу не разгадаешь. Она, по-видимому, в тех свойствах таланта, что вспыхивая в процессе творчества, преображает внешность, и тогда весь облик артиста меняется до неузнаваемости.

Его Вожак обнимает за плечи Комиссара и (подумать только!) старается на ходу понасть с ним в ногу. А в сцене прощального бала моряков приглашает Комиссара на вальс. Он во все тяжкие пуститься готов, лишь бы удержать авторитет. Судьбой людей вершит этакий экзотически разряженный муляж в неизменно красных галифе и напояленной комиссарской кожанке, с аляповатым кольцом на паль-

це и длинным шарфом на шее. Какое-то садистское упоение властью проглядывает в походке, в подчеркнуто фиксируемых (для истории) позах, в этих вскинутых накрест руках — приказ к уничтожению провинившихся. Многозначительная ординарность творит произвол и насилие. Правит бал не сильная по-своему человеческая личность (так игралось ранее), а хитрое, злобное ничтожество, всплывшее на поверхность. Вот горькая, поистине трагическая насмешка истории, остро выявленная актером и режиссурой как принципиальная новизна этого образа.

Скупыми, точными штрихами обрисовал Е. Лебедев Ивана Шадрина («Перечитывая заново...»). Его наивность и обстоятельность, неподдельную искренность и мужицкую хитринку. За ними угадывается океан

народной жизни. Эпизод «встреча Шадрина с Лениным» сыгран актером как переворот в душе и сознании героя. Приходит обычный солдат что-то там разузнать, а уходит совсем иным человеком. Он будто увидел будущее, он обрел понимание пути. Е. Лебедев играет звездный час жизни Ивана Шадрина, миг истины обретения, миг окрыленности.

Казалось бы, яркая индивидуальность актера должна раствориться в заурядности образа профессора Серебрякова. Но парадокс — лебедевский персонаж и здесь выделяется из лирического ансамбля чеховской драмы интенсивностью внутренней жизни. Он вызывает смех зрителя своими неумеренными амбициями любимца публики и одновременно наше сочувствие к стариковским слабостям. Когда дядя Ваня стреляет, а Серебряков наивно-

беспомощным жестом закрывает лицо руками, почему-то становится жаль его. Лебедевский Серебряков — персонаж трагикомический. Это символ настырной убежденности в своих особых правах, в своем уделе избранного, при том что на самом деле он — выскочка. Он не только противопоставляет свою волю аморфности окружающих, но и яростно, до смертоубийства готов отстаивать свой авторитет, звание, положение, особые привилегии.

За каждым из этих образов не только труд, поиски, вдохновение. За каждым из них максимум требований, предъявляемых артистом к себе, к каждому своему дню: как прожил, чем заполнил, что сделал. За каждым из них жизнь Евгения Лебедева, вся жизнь.

Э. ЯСНЕЦ.

И труд, и вдохновение